

Содержание

Вместо предисловия	7
Часть первая	13
Эффект отсутствия	15
Время для самурая	18
Отцы и братья	25
Симптомы неопределенной этиологии	32
Третье колесо	39
Куклы	47
Запертая молния	52
Пространство идей	58
Гранж	67
Положительные вопросы	76
Трамваи в тумане	88
Шумы и мелодии	99
Обещание	110
Интерлюдия	117
Часть вторая	125
Arroganz ist ein Fehler	127
Будущее тотально	140
Хорошее отношение к роботам	148
Наследник	158
Трип-хоп	170
Согласие раздора	179
Избирательная история браузера	188
Рукава времени	210
Утка	219

Часть третья	227
Разговор по мобильному телефону незадолго до темноты.	229
С наступающим Рождеством!..	232
...и Новым годом!	242
Смещение.	252
Возле белой стены.	259
Умники и дороги.	266
Планка выросла	278
Дарквейв.	289
Белый шум	298
Что хотел сказать автор	309
Огари слышат	317
Благодарности.	325

Вместо предисловия

Молодой автор пишет роман, разговаривает со своим героем. Где-то я уже это слышала¹. Звук как метафора. Тоже. Хорошо, что я твердо знаю одно: Артем не читал моего «Творогова», пока писал. Это совсем другая книга. Однако некоторые точки, где Глеб и Иван сходятся, пугают. Видимо, это не мы с Артемом оказались похожи и вошли в резонанс. Это время такое.

Глеб старше. Сначала не сильно, а потом сильно, резко. И автор не так расположен к своему герою, как я. Взгляд автора холоден, как пустая бутылка из-под кефира, как кафельная плитка, как стылый трамвай. Сначала вроде бы ничего, даже тепло. Потом замерзаешь. Потому что вообще-то у нас холодная страна.

---

¹ Здесь и далее Нина Дашевская имеет в виду свою повесть «Поиск звука. Творогов», которая вышла в издательстве «Самокат» в 2021 году.

Глеб несовершеннолетний, это важно с самого начала, при этом книга отчетливо взрослая. На книгах ставят маркировку, на жизни ее никто не ставит.

Глеб не знал, где он окажется совершеннолетним. Автор не знал. Читатель знает.

Глеб просто медленно идет вперед, кажется, он знает куда, но будущее выскользает из рук, просыпается сквозь пальцы. Все оборачивается иным, каждый раз – не тем. Не то, не туда, не здесь. Почва уходит из-под ног, несмотря на очень точную географию.

Казалось бы, это классический роман взросления. Глеб – 2004 года рождения. Точно. Не раньше, не позже. Именно это поколение угодило в вязкий клейстер: ты вроде бы делаешь все правильно, но ноги увязают все сильнее.

И вроде бы все хорошо. Исходные данные – выше среднего: у мальчика хорошая голова, хорошая школа, мама – сильная женщина со связями. Папа – тоже сильный, интересный человек. Да, между ними разрыв, россось. Но они же цивилизованные люди. Или нет? Что это такое вообще – цивилизованный человек? Друзья. По крайней мере, из троих – двое хороших. Немало.

И потом, Аня.

Все хорошо. Все хорошо.

Лучше некуда.

Так хорошо, что Глеба выворачивает зеленым в унитаз. Нет, не от тонких переживаний, от вполне себе толстых обстоятельств.

...я читаю роман через год после его окончания. Я не знаю, где Глеб. Хочется ли мне, по авторской привычке, убереечь его и отправить в теплые страны? Или все с той же холодной ясностью продолжать следить за ним – не подсказывать, самим бы кто подсказал.

Единственное место, которое ощущается точкой спокойствия, – это трамвай в тумане, заблудившийся в рукаве времени. Там – не здесь. Там спокойно. Но оттуда очень быстро выныриваешь: туман недолговечен; снова наступают очень внятные, резкие до боли в глазах дни.

До боли в ушах; но это уже спойлер, не будем.

Глеб? Где ты?

Нина Дашевская

*Они чокнулись пивом и расцеловались.
Немного погодя и уже собираясь уходить,
Александров спросил, можно ли ему будет
написать впереди сюиты маленький эпи-
граф. Не сочтут ли это за ломание?*

А. И. Куприн. Юнкера

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эффект отсутствия

Бабушка моя, по профессии учительница рисования, говорила: «Толку ноль от красивых жестов, если тебя в кино не снимают. С умом поступай, наблюдай и решай, как выгодней». Но я потом, хоть и не были мы близки, все равно поехал в другой город на ее похороны. Отменил из-за них важное собеседование, разлаялся с невестой до соплей и глухой разлуки. Жалею? Бывает, что и жалею, а до сих пор люблю иногда совершить бесполезный маневр. Это освежает, прям как зубная паста подставить-нужную-марку.

Так и здесь. Я сунулся поглазеть, хотя торопился жутко. Конечно, от магазина часов ждешь пыльных полок и продавца с мудрым прищуром. Либо наоборот: лоск, блеск, за стеклами шестизначные ценники. Встречает девушка в деловом костюме, темные волосы убраны в хвост, тонкий и длинный, как минутная стрелка. Меня встретили ядовито-зеленые обои.

Прилавки вроде чистые, а товары навалены вразнобой. Будильники стоят рядом с настенными домиками. Из домиков торчат кукушки, похожие на мокрых куриц. Наручные браслеты лежат около песочных колб. На колбы-то я и залип. Есть в песочных часах какой-то безусловный приговор, которого не найти в обычных. Наверное, потому что циферблат – круговое движение, а песок стекает строго сверху вниз и, закончившись, продолжает свой ход, если только перевернуть сосуд. Я перевернул один, просто так.

Именно тогда этот парень сказал:

– Я приеду на ваше Рождество точно. Прилечу, потом на поезде. Но если ты сможешь умереть, будет вообще прекрасно. Покажу, как воняют пластинки, и познакомлю с Еленой.

Парень стоял слева от меня, напротив бардачной кучи будильников, совсем близко. Он болтал с кем-то через беспроводные наушники, и я слышал, как из них ему отвечал женский голос. Разборчиво доносилось лишь имя: «Глеб! Глеб!»

Раньше на моем районе была одна шаурмечная. Сизая квадратная будка через дорогу от школы. Неподалеку постоянно ошивался тип без возраста на лице. В драном пуховике на рыжую майку, он бродил кругами и тоже словно разговаривал с кем-то через беспроводные наушники. «Эй, погоди! Оставь лучше, слышишь? Завтра проверю бригаду, ага!» – звучали его реплики на всю улицу. На самом деле у него не было беспроводных наушников. Как и телефона. Когда мы с пацанами

ели шаурму, тип к нам подваливал и просил десять рублей со словами: «Вы меня только не бейте». Мы давали ему по полтиннику каждый. Не потому, что добрые. Бродяга считал, будто мы способны его избить, и нам это льстило.

Парень по имени Глеб был без возраста на лице, когда говорил кому-то про пластинки, смерть и знакомство с Еленой. Кажется, такое со всеми случается: секунда, может быть, две — черты точно каменеют, и вот ты одновременно и старик, и ребенок, и кто-то еще, без вчера и завтра. Похожее лицо было у моей бабушки-учительницы. В церкви, когда ее отпевали.

Я заметил Глеба еще около входа в магазин часов и даже позавидовал. Во-первых, синеглазый брюнет — редкое сочетание. Во-вторых, спортивный малый, спина ровная, сухопарость легкоатлета, на вид лет шестнадцать-восемнадцать. В шестнадцать я, помню, жутко горбился и носил очки. Сейчас зрение, пожалуй, единственное, что в моей внешности со школы изменилось к лучшему, спасибо офтальмологам. Благодаря им разглядеть Глеба удалось прекрасно. А вот заговорить с ним я не успел. Он ушел из магазина, продолжая о чем-то трепаться по телефону. И я просто стоял минут пять перед пустеющей песочной колбой, пока не подоспел заспанный мужик в худи — видимо, консультант. Он спросил, нужно ли чем-то помочь.

— Спасибо, уже не надо, — ответил я, а потом навсегда ушел из магазина часов.

Время для самурая

Полдня Глеб носился по центру города, искал подарок значительный и недорогой. Скопленные деньги нужно было беречь — снова брать у отца не хотелось. Как назло, попадались либо верные обещания пустых карманов, либо невнятный отстой. Захудалый на вид магазинчик часов грозил оставить без налика, и пришлось уйти ни с чем. После духоты ноги приятно твердели на морозе. Не чесались, не зудели. Оно и ясно, что в помещении чешутся: джинсы зауженные, под ними термобелье, да еще волосы на ногах разрослись.

В этот раз Глебу казалось, что его ждет по-настоящему важная смена года. В спешке он срезал через дворы на большую освещенную улицу. Он любил зиму, хоть она и напрягала ранней темнотой. Ожидание темноты иногда закрадывалось и самым солнечным утром, уже за чисткой зубов. Казалось, скорые сумерки гнездятся где-то среди пустых шампуней, скученных в углу ванной на полке-решетке.

— Эй!

Глеб обернулся. В мармеладную лавку зазывала ростовая кукла червя.

— Заморишь меня? Заморишь меня, молодой человек? — спрашивала она мужским голосом, волоча по снежному тротуару кислотно-фиолетовый хвост. Из куклы торчали длинные ноги в серых валенках.

— Я конкретно против, чтобы кто-то кого-то морил, — пробормотал Глеб, но листовку взял. Акция: скидка пятьдесят процентов на лакричные палочки.

«Замори. Кто им лепит такие лозунги? Или сами? А еще меня не взяли тогда...» — негодовал он, вспоминая гоповатого менеджера, который доставал его летом на собеседовании.

Ветер на улице был сильный, и снег забирался под капюшон, накинутый на меховую шапку. Еще Глеба морозило от звуков. Зазывания на распродажи, хруст снега под ногами, крикливые разговоры. «Эй, а ты знаешь, Игорек в Тай на праздники рванет, сказал». — «В наше-то время? Буржуй!» — «Один?» — «Один». — «Понятно, что ему вздумалось. Извращенец. Юля же бросила». — «А зря. Поехали бы вместе». — «А что ей с ним? Висеть на массажах для пенсов?»

Листовку Глеб выкинул в мусорку на углу. Из бачка воняли кислым пустые упаковки пивных закусок. Названия как у кишечных паразитов: желтый полосатик, свиной солонец, кольца кальмара.

Кольца. Их она не носила, да и выглядело бы чересчур пафосно. Варианты были разные: украшение

на шею, гель для волос. Последнее — слишком практично, первое — перебор с романтикой. Глеб решил, что часы прокатят идеально.

— Постой, джигит, нож хочешь? Хороший, раскладной! Вино даме открыть, брата-дурака напугать. А?! — сипло кричал мужичок в шапке-ушанке, хилый, совсем непохожий на того, кто продает ножи джигитам. Уже этим он вызывал недоверие. А еще тем, что торговал в уличной палатке сувениров: хохлома, футболки с медведями, магнитики с собором Василия Блаженного и прочие вещички, которые втридорога впаривают туристам.

Нож был точно не нужен. Глеб собрался лететь без багажа, и, даже если нож окажется беспонтовой точилкой для карандашей, на таможне могут как минимум задержать. Но к мужичку Глеб все же подошел. Отчасти чтобы скрыться от усиливающейся метели.

— А если я не джигит? Если я самурай? — попробовал Глеб ввести продавца в ступор.

— А если самурай, — не растерялся тот, — тебе вот чего есть!

Продавец достал две короткие серые палки, соединенные цепью. «Нунчаки» — не сразу понял Глеб. Палки, судя по всему, были обтесаны рубанком в сарае где-нибудь в Балашихе. Самодел.

— Нунчаки больше для ниндзя. А ниндзя — враги самураев.

— Ты, братец, не брезгуй пользоваться оружием врага, — кашлянул паром продавец. — Только в сказках

паршивых герои всегда по-геройски поступают. А по натуре — нет. Герои поступают так, что потом про них пишут сказки. И все.

Глеб пожал плечами. Задумался.

— Мне часы нужны.

— Зачем самураю часы? — просипел продавец. Никто больше не подходил, и его тоже, видимо, тянуло болтать. — Самураю не следует торопиться, даже если начался дождь.

— Ну... — Глеб снял капюшон, сочиняя ответ по-остроумнее. — По Хогакурэ, не нужно торопиться, чтобы не выглядеть глупо. А глупо выглядит и тот, кто торопится, и тот, кто опаздывает. То есть мониторить время для самурая очень важно.

Продавец вынул из-под прилавка картонную коробочку, постарался по-доброму улыбнуться, но на подрагивающем от холода лице улыбка вышла кривой и нелепой:

— Что ж. Тогда к вашим услугам есть они. Антиквариат-с! Стоят четыре куска, но знатоку бусидо отдам за три.

— Можно? — Глеб наклонился и открыл незамысловатый футляр. Деревянный корпус, похоже, был обтесан там же, где и нунчаки. Зато циферблат блестел, металлический, укрытый прочным стеклом. Две стрелки, двенадцать черных римских цифр. И цепочка железная тоже. И мизерный ключик. — Неплохо. Только у меня с собой две тысячи.

Продавец тут же стал серьезным: упер красные ладони в бока, отчего его дубленка пошла пузырями.

— За две с половиной могу, иначе убыток, айм сорри. И шапками махнемся. А то я в своей ушанке не греюсь по натуре, а твоя что надо.

— Ладно, — кивнул Глеб. — Тогда покажите конкретно, как они заводятся.

Заводились часы без проблем. Никакой, конечно, не «антиквариат». Однако ручная работа, по крайней мере, чинили явно не раз. Должно понравиться.

— Угу. Спасибо. — Глеб отсчитал пять пятисотрублевых и, взлохмаченный, положил рядом свою шапку.

Уходя, Глеб забыл, что продавец обещал взамен ушанку. Ушанка была бы велика, но хотя бы согрела по пути домой. А капюшон от метели не защищал, и Глеб на бегу закрывал лицо руками в перчатках. «Заболеть не хватало», — злился он. Было件нятно, что покупка не самая надежная.

После холода чуть не вырубил в душном вагоне. Тепло, мерное покачиванье и запах горячего железа мигом напомнили: ты устал. Как собака. И по-собачьи хочешь высунуть язык, чтобы поймать капли освежающего дождя, которого нет. К счастью, от «Савеловской» топать недалеко. Минут пять всего, если через дворы. А там уже набираешь код, затем три кратких ноющих писка и «Добро пожаловать» — выпускает электропривратник. Мама не дома и не прицепится, почему поздно.

Глеб жил в обычной панельке, что многих удивляло. Далеко не последний человек в администрации города, мама могла бы намотить квартиру чуть ли не на Патриарших. С отцом она давно развелась, а так он – бывший военный, теперь владелец прибыльной качалки – мог бы подсобить им на совсем роскошную хату. Но на самом деле трешка в брежневке устраивала и маму, и Глеба. Ремонт в стиле хай-тек, просторная гостиная и кухня, икеевская мебель вперемешку с дорогой итальянской. При этом особенно Глеб любил свой падик с облупленными ступеньками и пятнистыми, словно в угрях, стенами. Любил по трем причинам. Во-первых, Глеб дважды целовался здесь при встрече, во-вторых, один, но самый важный раз целовался на прощание, а в-третьих, в детстве ловил возле лифта тараканов и мокриц. Придумывал для них ловушки, на которые вдохновила легенда о Троянском коне, рассказанная перед сном кем-то из родителей в далеком, почти беспамятном возрасте.

Возвращаясь домой с часами, Глеб вспоминал о мокрицах. Он улыбался, подходя к лифту, и уже почти нажал кнопку вызова, когда услышал сопение за спиной.

Глеб обернулся. Никого не было. «Показалось?» – подумал он, а вслух просто выругался, полусшепотом, как привык наедине с собой.

Сверху загрели шаги, зашумело прерывистое дыхание.

– Эй! Что там у вас?